

Райнхард фон Лоэнграмм

**ОДОБРЕНО
СЭНСЭЕМ**

Канонные экстраполяции

Райнхард фон Лоэнграмм

**Одобрено сэнсэем.
Канонные экстраполяции**

«Издательские решения»

фон Лоэнграмм Р.

Одобрено сэнсэем. Канонные экстраполяции / Р. фон Лоэнграмм — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902593-7

Автор книги — известный блогер rainhard_15, считающий себя авшей главного героя этих экспериментов в прозе. С его точки зрения, очень многое зависит от выбора развилки пути, но в конечном итоге все эти траектории сюжета приходят к одной и тому же месту бифуркации. А уж где оно будет расположено — зависит чаще от главного героя, нежели от обстоятельств, в которые он вовлечён волей мироздания.

ISBN 978-5-44-902593-7

© фон Лоэнграмм Р.
© Издательские решения

Содержание

Промах Ансбаха	6
Действие первое	6
Интерлюдия 1	6
Интермедия 1	7
Интермедия 2	9
Явление 1	11
Явление 2	13
Явление 3	15
Интерлюдия 2	18
Явление 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Одобрено сэнсэем Канонные экстраполяции

Райнхард фон Лоэнграмм

© Райнхард фон Лоэнграмм, 2018

ISBN 978-5-4490-2593-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Промах Ансбаха

Действие первое

Интерлюдия 1

– Я не понимаю, – в голосе Лихтенладе заскрипел порядком уставший металл, – Вы мне хотите сказать, что за двое суток мальчишка не подписал ничего совсем? – следователь по особым делам вздрогнул, не смотря на то, что говорил с госсекретарём рейха через видеосвязь. – Чего стоят все Ваши специалисты, если не могут за это время сломать какого-то выскочку, пусть и чуть умнее остальных своих же сверстников?

– Мои люди достаточно опытные, но всё дело в том, что у этого парня низкий болевой порог, и он постоянно отключается, стоит чуть пережать, – вежливо и осторожно взялся объяснять особист. – А ещё он ведёт себя очень достойно и не дерзит никому, против ожидания – у меня уже третья обойма норовит устраниваться от этой работы, не могу же я так бросаться людьми? И без того трудно найти желающих на это ремесло, а наш гость не кто-нибудь, а всё же герой и спаситель страны, и такое не забывают даже представители такой человеческой породы. Отдать же его простым скотам я не могу – они его просто убьют на втором часе допроса, и сами не заметят.

– Послушайте, меня не интересует, почему у Вас нет нужных результатов, – с плохо скрытой досадой прошипел Лихтенладе, начиная нехорошо моргать одним глазом. – Меня инте-

ресует, когда они будут, Вы понимаете? Если этой ночью Вы не вытрясете нужных подписей из белобрысого соплика, можете попрощаться со своей должностью, понятно?

– Куда уж яснее, сударь, – усмехнулся вдруг следователь, выпрямляясь полностью. – Однако я тоже слышал, что у Вас не всё ладно с хранением нужной информации, верно? Иначе чем объяснить этот шабаш в прессе, как будто у нас тут нравы как минимум феззанские? Если я допущу убийство, потому что сердце у мальчишки не ахти какое сильное – Вы лично свешаете всех собак на меня. А если мы все его завтра не покажем живым народу – неприятности будут у всех, и Вы тоже пока корону не надели, замечу. Я не меньше Вашего хотел бы покончить с этим щекотливым делом, но реалии таковы, что результат не достигается по не зависящим от нас причинам. Может быть, есть смысл надавить морально, а не физически, если уж Вы так рвётесь к нужной Вам цели?

– Мммм, это Вы о чём? – озадаченно пробормотал пожилой аристократ. – Предлагаете мне действовать через его дружка? Но я нынче должен буду утверждать того парнишку в должности главнокомандующего, разве Ваши люди не сообщили эту подробность своему подопечному?

– А он не верит в это, – с торжествующим апломбом отозвался собеседник, подняв кверху большой палец правой руки. – Точнее, не верит в то, что это согласовано с самим фигурантом. И, по всей видимости, полагает, что друг вытаскивает его и из этого приключения. А вот если бы парень получил реальные доказательства, что его половинка – Ваш человек, то, скорее всего, хоть что-то бы сдвинулось с места к нужному результату.

– И только-то? – усмехнулся уже госсекретарь. – Хорошо, это устроить можно, полагаю. Я отдам нужные распоряжения начальнику тюрьмы, будут соплику сантименты с его роднёй, так и быть. Но и Вы уж тогда не оплошайте, чтоб не позднее середины ночи приступили и сделали всё как следует.

– Даже если после подписания документов он умрёт? – холодно осведомился следователь. – Предупреждаю сразу, что такой исход может быть очень вероятным.

– Меня это вполне устраивает, – Лихтенладе даже позволил, чтоб уголки его губ тронула улыбка. – Нужен будет лишь врач, что зафиксирует самоубийство, полагаю, уж с этим у Вас проблем не будет?

– Не будет, – холодно хмыкнул собеседник. – Но тогда проще было с этого и начать, поверьте. Я хотя бы уберёг от стресса своих работников.

– Не Вашего ума дело, что проще. От Вас требовались всего лишь подписи, хотя в этой ситуации нам нужен уже согласный сотрудничать мальчишка – но, как я вижу, Ваши бездари вообще ничего не могут! – и, отвернувшись от экрана, Лихтенладе поманил пальцем своего секретаря. – Вызови мне сюда Кирхайса, немедленно. Надеюсь, поиски Оберштайна уже закончены? – и, увидев скорбный отрицательный жест, отвернулся и прорычал в сторону несколько мрачных ругательств. – Какая жалость, что этот Ансбах промахнулся, право. Все в эту эпоху просто криволапые, как я посмотрю.

Интермедия 1

– Тебе нужно уснуть хотя бы пару часов, понимаешь? – встревоженный вид тюремного врача убедительно доказывал, что он сам всерьёз боится, но придавленного болью от истязаний Райнхарда он уже взволновать не мог. – Если ты не отдохнёшь к вечеру, дело будет совсем плохо, потому что после полуночи тобой займётся кто-то другой, как я узнал. А тогда ты умрёшь ещё раньше, чем они получают то, что от тебя хотят. Я загнал тебе против инструкции пачку кардиостимуляторов, но без сна они тебе не помогут, пойми же. А ночка явно будет страшнее всего, что ты успел попробовать, потому что к завтрашнему полдню санкция на твой арест продлена быть не может.

– Они не получают того, что хотят, – едва слышно прошептал узник побелевшими губами, и только эти слова могли свидетельствовать, что он ещё в сознании – открытые наполовину глаза не содержали в себе ничего, кроме страдания. – Если меня всё равно прикончат, нет смысла давать им повод радоваться. Прости, я не виноват, что сон не берёт меня, это правда.

Пожилой эскулап нынче вполне натурально узнал, что такое отчаяние, и позволил себя даже хлопнуть себя по лбу ради такого дела.

– Нет, это просто невозможно, – проворчал он вполголоса, начиная шарить в нагрудном кармане мундира. – Я не желаю оставаться в истории тем, кто помог тебя уморить. И куда только твои приятели нынче смотрят, хотел бы я знать. Ну-ка, раскуси вот это и держи во рту, пока не растает совсем, понял? – суетливо проговорил он, комментируя свои действия. – Это поможет, не сомневайся, правда, не сразу.

От терпкого апельсинового вкуса стало не так тошно, и Райнхард непроизвольно смог вздохнуть поглубже.

– Кирхайс надёт способ помочь мне, не убивайся.

– Чего? – собеседник даже неосознанно подбоченился обеими руками. – На твоём месте я бы не рассчитывал на него. Нынче ночью будет бал в Сан-Суси, в честь нового главнокомандующего, а королевой там – графиня Грюнвальд. Которая брату даже передачи не сподобилась отправить. Вот твой советник, что в бегах – тот, возможно, и мог бы что сделать для тебя, да только не известно, не нужна ли ему самому сейчас помощь.

– Пауль прыгнул и скрутил киллера, а Кирхайс убрал меня с линии огня, – еле слышно, но уверенно отозвался лежащий на койке. – Остальные не сделали ничего. Полагаешь тут разницу очень заметной?

– Оберштайну твоя сестра ни разу не нужна, как всем известно, да и служит он тебе. Чего ну никак не скажу нынче про твоего друга. А потому не больно-то красиво будет видеть их нынче в вальсе, когда тебя будут убивать, и очень медленно. Так что если тебе что и поможет, то уж точно чудо и не с той стороны. Яд тебе оставить, на случай, если всё будет уж очень плохо?

– Нет, – Райнхард уже не мог держать глаза открытыми, и врач счёл это даже за добрый знак. – Сам я не хочу, пусть убивают, если совести хватит.

Он уже почти не слышал сокрушённого ворчания на свой счёт – и даже не заметил сам, как погрузился в тихое забытие. Остатки сознания ещё фиксировали, что врач оставался в камере ещё какое-то время, ещё даже ослабил наручники – явное нарушение режима, конечно, хотя вывернутым на дыбе рукам уже всё равно, что их поправили – что после тихо вышел из помещения... Потом где-то очень далеко брызнуло летнее солнце, и снова наступила чернота.

Прошло несколько часов, но измученное до крайнего изнеможения тело молодого маркиза восстановиться не успевало, не смотря на все приложенные для этого старания тюремного врача. Что касалось его души – она ещё держалась, продолжая уверять себя, будто туманная надежда на спасение – не ересь.

Точнее было бы сказать, что она чувствовала чью-то поддержку, только не понимала толком, кто именно столь сильно желает ему выжить и победить, что силы держаться ещё найдутся, вопреки всякой логике. Если бы будущий император вздумал вдруг сам задаться вопросом, отчего он пребывает в странном оцепенении и чего именно ждёт, он бы списал этот эффект на последствия пыток и успокоился. Якобы оттого, что коль скоро от него не зависит происходящее, то и предпринимать нечего. Однако на самом деле молодой человек не пребывал ни в отчаянии, ни в унынии, ни в истерике – он действительно ждал, не отдавая себе отчёта толком, чего. И сам бы никогда не смог себе этого объяснить, смутного понимания, что за ним ещё придут. И вот тогда... а дальше думать не получалось, боль слишком вольготно царствовала и на спине, по которой хлестали уже не разберёшь, чем именно, и на груди, там, где впивались жала электродов, и оттого лежать приходилось на боку, хотя так было труднее дышать.

На закате, о наличии которого невозможно было знать в камере без окон, дверь пропустила посетителя. Он вошёл почти неслышно, ровной походкой, выдающей человека, который очень хорошо знает, что делает в данный момент. Поставил на табуретку, забытую здесь после врача, картонную коробку, что была у него в руках, затем подошёл к лежащему на койке вплотную. Неодобрительно покачал головой, разглядывая в тусклом свете потолочной подсветки бледное лицо пленника с тёмными тенями вокруг глаз. Аккуратно тронул пальцами шею спящего, как делают офицеры, оценивая степень поражения живой силы на территории, потом прикоснулся ладонью ко лбу, чтоб проверить наличие жара. Дождался сдавленного стона в ответ на свои действия.

– Кирхайс? – скорее неосознанно позвал Лоэнграмм тем же севшим голосом, не шевелясь и не открывая глаз.

– Так точно, – бодро отчеканил гость, сложив руки на груди и дожидаясь, когда пленник сумеет увидеть его.

Ждать ему пришлось лишь краткий миг – пока, вздрогнув всем телом и едва сдержав стон, маркиз сможет открыть полыхнувшие яркой молнией глаза...

– Нам надо поговорить, Райнхард.

Интермедия 2

После поверхностного сна, который не насытил потребность в отдыхе тела, которое двое суток терзали по последнему слову науки пыток, Райнхард не понял, что происходящее вовсе не напоминает счастливый сон об избавлении. Но возле тюремного ложа стоял Кирхайс, настоящий, и хотя он не улыбался ослепительно и радостно, как прежде – вряд ли вид пленника в оковах мог на это сподвигнуть – но это была реальность. Маркиз Лоэнграмм почувствовал, что захлёбывается от счастья – в лёгкие попало достаточно воздуха, и можно было хотя бы приподняться на локте, если уж боли не позволяли большего. Он и не подумал о том, что собеседник мог бы сесть рядом на койке и приобнять его за плечи.

– Кирхайс, ты пришёл! – вырвалось из горла с такой силой и искренностью, что тот, кому они были обращены, вздохнул с заметной грустью.

– Мне очень жаль видеть тебя в таком состоянии, Райнхард, поверь. Так охлаждать тебя – безусловно, жестоко. Но я тут совершенно ни при чём, к сожалению.

– Да что ты несёшь, – с прежней дружеской нежностью прохрипел пленник, продолжая сиять улыбкой, тяжело закашлялся. – Я ведь знал, что ты придёшь, Кирхайс.

– Просто я должен сказать тебе, что ты сам виноват в своём несчастье, и мне очень жаль, что дело зашло так далеко, – грустно произнёс гость, не размыкая рук, сложенных на груди. – Конечно, я постараюсь сделать всё, чтоб помочь тебе.

– Что? – Райнхард не хотел верить услышанному. – Моя санкция заканчивается завтра, Кирхайс, но меня хотят убить ещё раньше, ночью, понимаешь? – прошептал он довольно громко, не понимая, откуда взялся вдруг приступ липкого страха, сдавившего горло.

– Я сообщу, куда следует. Полагаю однако, это невозможным, – тон Кирхайса был странно спокоен, и он по-прежнему не шевелился. – Ты ведь не кто попало, чтоб с тобой так обходились. Не волнуйся, я принёс тебе пирог Аннерозе. Вот здесь, в картонке на табуретке, – он чуть отстранился, комментируя свои слова. – Увы, она слегла, узнав последние новости о тебе, и прийти не может.

– Как – не может? – ошарашено пробормотал пленник, отказываясь понимать услышанное. – Мне сказали, что свидания с кем-то под запретом...

– Твоя сестра очень переживает, что её брат стал кровавым маньяком, одержимым войной, Райнхард. Впрочем, я думаю, что время всё поправит. Ты ведь не так плох на самом деле, как может показаться, уж я-то это точно знаю.

– Что за бред, а? – холодно осведомился уже Райнхард. – Скажешь ещё, что тебя устраивает моё положение сейчас, да?

– Не совсем так, но... я уже говорил тебе, что ты совершил непоправимое. Это закономерный результат. И уж если смотреть правде в глаза, то тебе всегда нужна была корона, а всё остальное – лишь красивые слова, – Кирхайс скупно пожал плечами и ровно продолжил. – Разве ты не видел, что Аннерозе всё устраивало? Нет, тебя вообще не волновали её чувства. Тебя заботило только, как побыстрее пробраться к трону. Ты и меня втянул в это дело, игнорируя мои попытки дать тебе понять, что ты идёшь неправедным путём.

– Закономерный результат – тот, что Лихтенладе нашими руками устранил Брауншвейга, чтоб идти к трону самому. Ты что, полагаешь, что он оставит в покое Аннерозе и тебя, если меня не будет? – в глазах будущего императора блеснула та самая сталь, которой потом испугались убийцы на Урваши. – Конечно, на пару месяцев, не более того. Может, объяснишь мне, если уж я такой нехороший, какого чёрта ты меня поддерживал все эти годы?

– Я говорил, что мне это нравится разве? – некоторый пламень полыхнул и в глазах Кирхайса. – Мне прямо сейчас сказать, как меня всё это достало, быть твоей тенью и правой рукой? Мог бы порадоваться, что я хотя бы честно желаю завершить начатое нами, но без твоего кровавого шлейфа!

– Отвечай на вопрос, почему ты был мне другом? – Райнхард ронял слова столь же жёстко, как заправляют боеприпасы в скорострел. – Немедленно, я хочу это знать и имею право! – от произвольного рывка в попытке устроиться на койке поудобнее, чем полулёжа, наручники врезались в тело так, что тонкая струйка крови потекла из-под металла, но молодой маркиз будто и не заметил этого.

Паузы не случилось, Кирхайс лишь заметно вздохнул, по-прежнему не шевелясь.

– Мне это было выгодно, – произнёс он абсолютно спокойно. – И разве я перестал быть им? Если тебя это перестало устраивать, я уйду.

– Ты приходил только за этим, получается? – желчно усмехнулся Лоэнграмм, поникнув головой. – Надеюсь, ты всё сказал, да?

– Я вовсе не хотел тебя обидеть, Райнхард, – вежливо заметил собеседник.

– Ты знаешь, апостол Искарриотов тоже хотел как лучше, помнится, – будто потеряв интерес к разговору, арестант аккуратно завозился на койке, норовя снова лечь пластом на боку. – В его текущие задачи входило наладить переговоры между конфликтующими сторонами. Дальнейшее развитие событий явилось для него полной неожиданностью. Воспользуйся его ценным опытом, искренне советую, пока ещё есть время.

Если бы маркиз не прикрыл глаза от боли и усталости, он смог бы увидеть даже в слабом освещении камеры, как порозовело лицо будущего главнокомандующего рейха.

– Это... отвратительно с Вашей стороны, сударь! – едва не поперхнувшись, произнёс он слишком высоким тоном для своего голоса.

– Мои соболезнования графине Грюнвальд, – едко отозвался бывший главнокомандующий. – Пусть поправляется, так и передай. И поклон госсекретарю рейха тоже не забудь. А меня избавь от необходимости каяться в том, что моя жизнь прожита впустую, не люблю такой дешёвый фарс.

Однако дожидаться, когда щёлкнет дверной замок, было очень мучительно и тяжело. Оставшись в одиночестве, Райнхард вынужден был потратить ещё некоторое время на борьбу с душившими его рыданиями – хотя зачем он старался успокоиться, сам не смог бы дать внятного ответа.

В этот момент над притихшим в вечерней тиши Одином одна за другой вспыхивали звёзды. Хотя пленник и потерял счёт времени, эту пору суток он с детства ощущал на любой планете, даже если не видел неба. Однако сейчас перед залитыми горькими слезами глазами всё поплыло настолько, что память сама услужливо дорисовала полностью картину звёздного

неба. Правда, протянуть руку за звездой в наручниках не представлялось возможным, и Райнхард лишь тихо прошептал вслух, понимая, что тюремный персонал всё равно его слышать не может:

– Я хочу выжить и победить. Просто, чтоб никто не танцевал на моей могиле. Пусть это произойдёт, все-таки, и хорошо, а не так, как случилось только что. Пожалуйста.

Явление 1

Уснуть не получалось. Из-за этого боли взялись одолевать, и перед глазами всё ярче мелькали картины недавних истязаний, всё ярче обступая тот уголок реальности, в котором располагалось тюремное ложе. Резко дал дать о себе и голод, уничтожив всякие попытки замереть в ожидании неизвестно чего. Но даже помыслить об том, чтоб добраться до картонки с пирогом на табуретке, Райнхард не желал и где-то на дне души был рад, что лишние движения сейчас опасны – смотреть даже на это творение рук сестры он совсем не хотел. Разговор с Кирхайсом лишил его того необъяснимого спокойствия, что позволяло коротать время, не думая ни о чём. Этого и убитого его посещением сна прощать Зигфиду бывший главнокомандующий рейха и не желал, а вовсе не самого разговора и нового статуса бывшего друга. Если бы была возможность хотя бы лечь на спину, всё было бы не так плохо, наверное. Но бешенство от бессилия начинало прорастать неумолимо, и Райнхард понял, что близок к истерике. Дышать было тяжело, и гадкие когти страха взялись царапать горло. Если ему так плохо сейчас, то что же будет потом, когда палачи придут за ним? Появилось неумолимое желание позвать на помощь – чтобы просто добились... скорее, может быть, сейчас даже... К счастью, пока шевельнуться было сложно, но ведь это оцепенение могло в любой момент прекратиться, стоило бы сознанию разрешить себе перестать быть человеком и превратиться в рычащее от боли нечто, которое будет метаться, добываясь полного болевого шока и, возможно, убьёт себя этим – но ведь только пока. Что-то очень быстро погибало, таяло прямо здесь и сейчас – как оказалось, сама надежда выжить и спастись... И если раньше липкий мрак животного ужаса лишь обступал измученное тело, то сейчас он взялся проникать в душу, и это было ещё страшнее. «Я должен держаться, всё равно должен!» – эта мысль, похоже, уже сама превратилась в стон. Но её всё чаще и сильнее заглушало что-то другое, сильнее на несколько порядков: «А для чего это тебе уже? Всё, тебе уже ничего не поможет, это бессмысленно.»

Райнхард старался убедить себя, что он ждёт потери сознания от этой дурноты. Он сам не знал, зачем ему всё ещё пытаться владеть собой, возможно, это была всего лишь привычка, которая сейчас работала совершенно автоматически, отдельно от сознания. Оно пыталось найти хоть какую-то зацепку, чтоб остановиться на ней и не фиксировать боль, но успеха не достигало никак. Со стороны весь этот ад не был виден никому – казалось, неподвижное тело молодого маркиза лежит себе совершенно спокойно. Поэтому тюремщикам и в голову бы не пришло ни разу хотя бы войти и осведомиться, не нужна ли помощь. Которая была на самом деле просто необходима – всякое происходящее рядом могло бы отвлечь сознание пленника на себя, и прекратить его мучения хотя бы частично. Но время шло, растягиваясь в десятки раз против своего реального значения, и в камере, конечно, ничего не происходило. Кроме того, что боль во всём теле усиливалась. Сейчас её не могла бы побороть даже злость, кабы ей было откуда браться. Ведь она возникает тогда, когда ещё есть силы сопротивляться. А их не было и не предвиделось.

Прошло около пары с небольшим часов, что вполне могло сойти за вечность, за которую можно и поседеть успеть полностью. Не вполне ясно, каким образом, но в сознание просочилась информация, что камера уже не пуста. Вряд ли это могло означать хорошее, скорее наоборот – слова врача о том, что палачи и убийцы придут после полуночи, стереть из памяти не представлялось возможным, да и необходимости в этом не было. Зато теперь была необхо-

димось следить за происходящим. Не то донеслись до слуха, не всплыли уже в памяти слова кого-то из тюремного персонала: «Графиня Грюнвальд, у Вас около двух часов, пока бал только начинается.»

Если бы визита Кирхайса не было, Райнхард, вероятно, от лишних эмоций мог бы хотя бы открыть глаза. Но сейчас он и этого не хотел – проверять, могла ли сестра навестить его или не захотела, желания не было. Лишь какая-то часть его измученного существа испытала некую тень удовлетворения – вот, сейчас надо будет отвлекаться на визит, а это в любом случае лучше, чем по-прежнему сгорать от изнеможения. Хорошего, конечно, ждать не приходится, но и вряд ли будет хуже намного, а хоть какое-то разнообразие в происходящем – это уже занятие. Силы, правда, уже не были теми же, как после сна, из которого его вырвал Кирхайс – и получалось лишь следить за силуэтом посетительницы сквозь ресницы. Если будут упреки или ещё что в этом роде, наверное, закричать получится. Но и хватит тогда, всего уже хватит в этой жизни, которой суждено оборваться через несколько часов.

Так, или в глазах от перенапряжения мутится, или это вовсе не манера двигаться, присутствующая Аннерозе. Ну не та походка, хоть расшибись, или это сумасшествие? Рост ведь тот же. Зачем эта ужасная вуаль, сквозь которую не пробьётся даже взгляд Ройенталя? А, должно быть, она скверно видит в ней, вот почему шаги были такими... нет, не поэтому. Ридикиоль кладёт прямо на картонку с пирогом, как будто это – посторонний предмет. Всё же логичнее было бы встать рядом, как это сделал Кирхайс. Но нет, осторожно садится рядом на койку. Так, всё, я ничего уже не вижу, она заслонила собой и без того тусклый свет, и дабы различить что-то, придётся распахивать глаза, а этого по-прежнему не хочется. Тихое шуршание, наверное, вуаль убирает, чтоб самой лучше меня видеть, жаль, поздно она это делает, увидеть не получится. Стоп! Это не роза и резеда – обычные духи Аннерозе, это... совсем другой аромат! И я его отлично знаю, то есть, помню! Не может быть!!!

Райнхард понял, что растерян – он, в свои двадцать уже начисто забывший, что это такое... Поэтому он просто замер, предоставляя происходящему идти без его участия. На виски опустились ласковые пальцы, а к переносице приникли явно встревоженные губы. Это было так приятно, что стоило колоссальных трудов не застонать. Даже удалось различить тихий горестный вздох – нет, это ни разу не графиня Грюнвальд, это совсем другая графиня, ах, таких чудес просто не бывает... неужели небо сжалилось и посылает напоследок это счастье? Ах, но почему же нет сил даже шевельнуться навстречу к ней, в какое же бревно я успел превратиться в этом застенке. Или это просто мой бред? Потому что я столько ночей хотел встретиться, ждал, когда Липштадская кампания закончится, а нас арестовали сразу по прибытии на Один, и я даже не успел отбить сообщение?

Ещё тихий шорох, а после... очень тихий щелчок. Нет, это уже бредом быть не может, это же растёгнуты наручники... А, я сейчас закричу, руки ведь опухли, и снимать оковы трудно и болезненно. Но теперь уже нет смысла валяться тушкой, надо же хоть глаза открыть... ничего себе сюрприз... Да, платком по ним сейчас актуально, слёз было пролито немало недавно. Только бы ещё сейчас от радости не хлынули, вот что. Потому что... ах, как здорово, обнять меня за шею, ну же, руки, двигайтесь же хоть немного... всё, порядок. Она даже не удивлена этому манёвру? Пари держу, прижмётся крепче. Да-да, никакой попытки вырваться. Я что, завоевал-таки Вселенную? Что ж, умирать будет уже не так горько, наверное... Хотя я совсем не хочу. И никогда не хотел. Как же она будет без меня, если меня убьют? У неё сердце стучит, так громко... она лучше всех в Галактике! Как жаль, что пришлось огорчить её...

– Спасибо, что пришли, фройляйн, – тихо произнёс Райнхард, открывая глаза. – Простите, что доставил Вам столько хлопот в этот раз.

– Не стоит сожалений, маркиз, – в очках Хильдегарде полыхало пламя, достойное настоящей валькирии, хотя голос был прежним, спокойным и ровным. – Не Ваша вина, что Вы оказались здесь.

– Я бы пожурил Вас за этакую самодеятельность, но просто не могу теперь – слишком долго я хотел Вас увидеть, – густым голосом проговорил будущий император, улыбаясь так, что сравнить это можно было только с солнечным сиянием ясным утром. – Если бы я знал, что дождусь этого, вероятно, у меня было бы побольше сил сейчас. Поэтому просто поверьте мне – я счастлив, впервые в жизни и навсегда. Сколь мало бы мне не оставалось жить уже.

Девушка вспыхнула и потупилась, затем несколько раз провела ладонью по волосам сюзерена.

– Вы будете жить ещё, маркиз, и немало. Вы очень нужны Вселенной потому что. И... мне тоже. Я пришла забрать Вас отсюда, Вам тут нечего делать, совсем.

Райнхард побледнел, хотя, казалось, сильнее это уже было невозможно, задрожал всем телом, и несколько мгновений сдерживал рвущиеся сквозь зубы стоны, затем чуть прикрыл глаза и закашлялся.

– Как Вы неосторожны со мной сейчас, – тяжело дыша, прошептал он, прижимая девушку к себе всё крепче. – Клянусь, я согласен, только умоляю, назовите меня сейчас по имени, хотя бы один раз...

– Райнхард, что с Вами? Вам совсем плохо?

Он мотнул головой, пытаясь дать понять, что хочет сказать «нет», снова задрожав, замер и едва слышно застонал, затем заговорил частым шёпотом:

– Благодарю Вас, моя драгоценная, если бы не Вы, я бы не выжил. Мне хорошо с Вами, так, как ни с кем, поверьте мне. Не оставляйте меня, если я выживу, я подарю Вам Вселенную.

Хильдегарде, смотревшая на него сначала с тревогой, потом с нежным трепетом, ослепительно улыбнулась.

– Мы выберемся отсюда, вместе. Не нужно так волноваться, это сейчас вредно. У меня с собой сидр, желаете?

Лоэнграмм вздохнул неторопливо и ровно, а затем одарил её на редкость лукавым взглядом:

– Это неслыханное надувательство, фройляйн. Так коварно лишит меня возможности поцеловать Вас – это ж ещё хуже, чем проигрывать Яну Вэньли.

Явление 2

– Вэньли воюет хитростью и подлостью, поэтому Вам будет очень сложно выиграть у него, – Хильдегарде говорила прежним ровным тоном, но в этот раз с заметной теплотой, наблюдая, с каким аппетитом арестант уничтожает гостинцы, запивая их из походной десантной кружки – похоже, он так и не ел ничего с прибытия на Один. – Это примерно как гоняться за болотными огнями ночью без страховки.

– Какая интересная аналогия, – весело усмехнулся Райнхард, осторожно пытаясь пошевелить ногами, сидя на тюремном ложе – бесполезно, слишком сильные боли от ран у коленей, идти не получится... – Фройляйн, но Вы говорите так, будто мне ещё придётся повоевать с ним самому. Я бы не прочь, но ведь к утру у рейха будет новый главнокомандующий, которому беглые офицеры не нужны. Хотя он и славится своей необъятной добротой, – с едва заметной горечью добавил он, – мы вряд ли поладим, полагаю.

Неизвестно, догадалась ли графиня Мариендорф об истинной подоплёке сказанного, возможно, она могла догадываться о ней, потому что попыталась приобнять маркиза за плечи... рука скользнула ниже, тронув спину, и маркиз Лоэнграмм взвыл от боли на этот краткий миг.

– Не надо, там... страшно, – севшим голосом пояснил он, хватая ртом воздух. – Я плохо помню, что со мной делали, и... отключался часто.

– Позвольте, я посмотрю, – с нежной настойчивостью проговорила девушка, плавным движением ухватив пальцами застёжку мундира. – Не волнуйтесь, я просто тюремным врачам не доверяю в Вашем случае.

Райнхард не стал мешать ей, но с заметным смущением повернул голову в сторону и отвёл взгляд в никуда, потом и вовсе закрыл глаза от неловкости.

– Хотел бы я, чтоб это было по другому поводу, – едва слышно прошипел он скорее для себя, вцепившись ладонями в край койки, дабы повернее держаться ровно. – Но боюсь, быть мне руинами ещё долго.

Почти сразу пришлось услышать некий негромкий, но очень красноречивый рык дикой кошки, очевидно, это была замена мужскому арсеналу очень крепких ругательств. Против ожидания, усиления боли не последовало, прохладное что-то, что растеклось по искорёженной орудиями палачей плоти, никаких мучений не причиняло, да и на груди, изжаленной электродами, нанесённое на неё снадобье боль не раздражило больше, чем она там царствовала уже после серий пыток. Когда послышался треск застёгнутого снова мундира, Райнхард даже почувствовал, что может свободно вздохнуть поглубже. Ещё раз, ещё... ах, как странно, как будто исчезла какая-то удавка, грозившая душе и телу. Лоэнграмм открыл глаза, чтоб сообщить, что так гораздо лучше и поблагодарить, но, увидев перед собой пылающие мрачным торжеством очи Хильдегарде, понял, что это лишнее и лишь вопросительно посмотрел на неё.

– Недолго, теперь заживёт дня за три, полностью, – царственно усмехнулась девушка. – Вот же лицемеры, так и знала, чего стоит их на самом деле симпатия. Конечно, это не убивает, просто сводит с ума медленно и верно, – она поспешила снова сиятельно улыбнуться. – Не берите в голову, Ваша светлость, скоро Вы будете намного лучше, уверяю Вас.

– Что это там такое было? – спросил Райнхард с такой грустью, что собеседница зарделась, щёлкая застёжками ридикюля.

– Древняя забава с солью, – холодно произнесла дама, поникнув головой, по всей видимости, занятая усилиями по сохранению самообладания. – Надо будет после выяснить, кто именно владеет информацией об этом ещё, ну, и определить отдавшего разрешение на неё.

Ужасная мысль блеснула кратчайшим всплеском – Кирхайс во время визита не тронул нигде измученное пытками тело... он даже руки держал у себя на груди, как будто что-то приходилось сдерживать ему самому... Не думать об этом сейчас! – с жарким апломбом прирождённого командира приказал себе молодой маркиз. Нужно было побыстрее и очень нежно обнять девушку, прижать к себе как можно крепче. Вот так, теперь немного успокоить, как перепуганного ребёнка...

– Не надо плакать, – со всей нежностью старшего проворковал Райнхард, – я ведь цел и с Вами, моя дорогая. Можете напоить меня ещё сидром или кофе, я не обижусь, – ласково прошептал он, продолжая гладить её волосы и упорно стараясь не стонать. – У нас ведь почти два часа, нет?

Похоже, усилия были вполне оправданны – рыдания ей сдержать удалось... Ах, какой крепкий поцелуй в щёку, отлично, но мне этого уже мало... Вот так, наконец-то, по-настоящему... Ох, запынел, лоботряс, сейчас меня опять унесёт, как только что... Ах, так даже круче, чем ночью от откровенного сна, прекрасно. Нет, я хочу ещё, хоть раз, ну же, поцелуй меня ещё раз, да, и просто не выпускай из рук, просто придержи... Да!!! Да, всё, дай мне немного отдышаться. Драгоценная ты моя, как хорошо, что ты не понимаешь толком, от чего я отдыхаю. Ты у меня лучше всех, правда, не сомневайся. Молчишь? Какая умница, тут ничего не надо говорить, да...

Сколько минут прошло в этом тихом молчании, Лоэнграмм не интересовался, замерев от счастья. Когда Хильдегарде прошла платком по его вспотевшему лбу, он только слабо улыбнулся. Он не хотел сам прекратить этот момент, который сейчас был для него самым счаст-

ливым эпизодом его жизни, потому что знал, что ему и так помешают, и скоро. Так и произошло.

Дверь камеры распахнулась, чтоб пропустить рослую фигуру посетителя. Райнхард предпочёл глянуть на него сквозь ресницы, и эгоистично не захотел открывать глаза. Бурную радость демонстрировать сил не было, хотя вскочить очень хотелось, а значит, разумней всего сдержаться.

Серьёзный офицер смотрел именно на него с напряжённым вниманием, почтительно не приближаясь дальше пары-тройки шагов.

– Как он? – тихо спросил вошедший у девушки.

– Идти не сможет, хотя в сознании, – почти прошептала в ответ та.

Райнхард наконец смог успокоиться и открыл глаза.

– Пауль, мне колени и спину трогать нельзя, иначе я заору, – будничным тоном объяснил он. – Так что носилки тоже не помогут.

– Ерунда, донесу и без них, – хозяйским тоном проворчал Оберштайн. – Готов или ещё не торопишься?

– Можно, – Райнхард пожалел, что плечами двигать ещё не получается... – Спасибо, что пришёл, кстати.

– Чепуха, от тебя я благодарности слышать не желаю, – фыркнул в ответ гость тоном старого друга. – Держись, это ненадолго, – его движения были столь аккуратными, что ни разу вскрикнуть от новой боли так и не пришлось. Повиснув вниз головой на плече своего советника, Райнхард нашёл забавным появившееся откуда-то желание заснуть и замер в спокойствии.

Пирог Аннерозе, принесённый Кирхайсом накануне да так и оставшийся не открытым, был найден в пустой камере через полтора часа палачом, который прибыл по душу её пленника, о чём и предупреждал тюремный врач перед своим уходом. Однако, прежде чем поднять тревогу, этот гость решил сперва побаловать себя сладеньким... Тревогу поднять он так и не смог, рухнув вскоре на пол камеры мёртвым.

Явление 3

Мелочи, мелочи, когда их много, они способны добивать вернее и страшнее, чем любая глобальная проблема. Райнхард лежал себе в уютной светлой комнате какого-то особняка, с нарочито диким садом за окном, и пытался успокоить себя осознанием жёсткого контраста с недавним тюремным кошмаром. Раны, полыхавшие там адовым огнём, здесь ныли нудно и мучительно – и даже понимание того, что они заживают, облегчения не приносило. Там обступавший из темноты липкий ужас, чётко обозначавший степень унижения до полного бессилия к сопротивлению, заслонил собой всякую реальность. Здесь простой факт того, что вставать получалось не больше четырёх раз в сутки, на несколько минут, повергал в мутное уныние, которое не в силах был пробить солнечный свет и нежный запах цветов из окна. Куда-то растворилась не только радость от избавления от медленной и мучительной смерти, но и счастье – узнав наконец, что любим и желанен, молодой человек вскоре почувствовал глухое опустошение, как загнанный дистанцией бегун. Где-то на задворках сознания упорно стояла себе стеной мысль, что это только от того, что тело не восстановилось после пыток, и нет ещё сил даже на прогулки, за неё измученная душа маркиза Лоэнграмма и пыталась уцепиться мёртвой хваткой. Всё только поэтому, уверял он сам себя, я просто не умею ждать, а разговор в камере с Кирхайсом тут совсем ни при чём, о нём думать не надо и нельзя. Ведь прошло всего несколько суток, а лежать ещё долго, хорошо, если неделю, а не целый месяц, как сообщил приходящий врач – кажется, кардиолог к тому же. Если уж Хильда слегла после их приключений в тюрьме – просто от сильного стресса, ещё двух дней восстановиться вполне хватит,

уверял доктор – то что маркиз желает от собственного сердца, очень странно, что после всех перегрузок оно у него выглядит здоровым...

Но все эти резоны так и оставались теорией, которой не суждено быть убедительной. Ощущение, что его успели растоптать, как сорванный цветок, то и дело всплывало в истерзанной после Вестерленда душе бывшего главнокомандующего рейха. За что меня так, я ведь просто пытаюсь выжить – против воли эта мысль всё-таки всплыла, и Райнхард снова уронил голову на подушку, силясь не захлебнуться горькими слезами. У меня больше нет родных, я не нужен сестре, совсем, и глупо уверять себя снова, что произошло какое-то недоразумение. Кирхайс сказал, что Аннерозе всё устраивало – не мог он сам такое придумать... Отчего ж тогда нужно было говорить мне это вот так, перед тем, когда меня и так планировалось прикончить? Трудно было оставить умирать меня в неведении, что ли? Или... или Оберштайн опять прав, это был способ заставить меня подписать приговор себе, сознаться в том, чего не было никогда? Какая разница – в этом случае просто смерть на эшафоте... Нет, разница есть. Да, я беглец теперь, но обвинений мне так и не выдвинули, просто выбивали признание не помню даже, в чём, ибо не объясняли, просто требовали подписать. Конечно, Лихтенладе сделает всё, чтоб меня осудили за не пойми что заочно – но ведь ничто не кончено для того, кто жив. Неужели я устраиваю графиню Грюнвальд только мёртвым? Сестра, за что? Да, я хотел сбросить Фридриха с трона, но не я же ему помог умереть, это ты была с ним рядом постоянно! Кирхайс, если тебе не нравилась моя идея завоевать Вселенную, зачем же было меня поддерживать столько? Опять прав этот циник Пауль с его цитаткой «и враги человеку домашние его»? То-то ты на него сразу и выкрисился, не успели вы познакомиться. Интересно будет после посмотреть, как поладите, вам двоим только и было небезразлично, что Ансбах пришёл меня грохнуть.

Стоп, есть горечь, есть и злость. Отлично, значит, силы появляются, и справиться я смогу – нужно лишь время, да. Но до чего же тошно... опять мне кажется, и очень убедительно, что я всего этого не вынесу. Какой же я слабенький, когда один. Я всю жизнь бегу от этого одиночества – и боюсь споткнуться и упасть. Мне даже подумать страшно, что будет, когда это случится. А оно меня эффективно преследует – я не успеваю оторваться... Да ещё и то и дело превращается в настоящий ужас – тот, который я ощутил, когда узнал про намерение Брауншвейга... которому я не смог помешать, иначе бы погибла не одна планета, а вся Галактика... Кирхайс, ну неужели тебе наплевать на галактику, на самом деле? А как же моя сестра, или ты и её не любишь тоже? Что ж, если тебе понравилось быть вместо меня, я не против. Только всё это иначе делается, в таком случае. Хотя бы так, чтоб я мог честно пожелать удачи. А сделано так, что не только не могу, но и не хочу даже. В чём я виноват – что жив? Да, это слишком многих уже не устраивает. К счастью, выбора уже нет – я намерен жить и дальше.

Наверное, на солнце наплыла туча – а может, погода давно желала испортиться, оттого и самочувствие не улучшалось последние часы. Духота придавила вдруг и без того ослабевшее дыхание, и показалось, будто некий сгусток серой тьмы проник в горло. Как тогда, когда стало ясно, что от прямого попадания не уйти... Райнхард приподнялся на руках, чтоб отжать прочь странное неприятное ощущение – лежать приходилось спиной вверх, и, вероятно, дело было в этом. Но горло вдруг перехватило сильным спазмом удушья, а руки затрясло мелкой дрожью, словно то, что попало внутрь тела, вдруг расплылось каким-то смертоносным излучением, либо нематериальной жидкостью, пропитывающей сразу все ткани внутри. Мозг отказывался интендифицировать правильно странную опасность, и что делать, было совершенно неясно. Вдохнуть глубже не получалось, вдохнуть вообще не получалось и вдруг стало невозможно... животный ужас захлестнул всё существо молодого человека, столь сильно ощущавшего сейчас свою внезапную гибель. Нужно было крикнуть, позвать на помощь – но как раз эта способность и оказалась утрачена. Райнхард попытался рвануться, чтоб хотя бы упасть на пол и создать этим хоть какой-то шум, но тело отказалось уже слушаться, скованное стран-

ным спазмом сразу всех мышц, что могли бы осуществить такой манёвр. Такого кошмара предвидеть он не мог, а секунды таяли, вместе с надеждой что-то исправить, потому что вдохнуть не получалось. Поэтому и вопль отчаяния получился только в мыслях, и, когда перед глазами стало темнеть, а может, это само сознание начала топить тьма, Райнхард уже не мог ей сопротивляться.

Сколько времени мрак царил, уничтожив всякое движение, осознанию не поддавалось. Но что-то наконец происходило, где-то совсем рядом, хоть и не было возможно обозначить, где и что именно. Помогите же мне! – взмолилось всё существо молодого человека, который не хотел умирать...

– Ты меня уже слышишь? – знакомый голос был по-прежнему ровным, хоть и не без тревожных обертонов... – Если слышишь, дай знать, ты в безопасности, понял? – теперь уже вернулось ощущение каких-то реалий, оказывается, дышать уже получается... – Всё закончилось, больше так не будет, понимаешь меня? – ну, наконец-то, даже головой кивнуть получилось, я здесь и в себе... – Молодец, у тебя получилось, можешь глаза открывать, бояться уже нечего... – знакомый голос заметно потеплел, и ощущения вернулись полностью, жаль только, что вместе с болью от ран...

Наверное, так мог со мной разговаривать отец, кабы он был бы у меня на самом деле эти чёртовы двенадцать лет вместо того, что этим отчего-то называлось, мелькнула посторонняя мысль... Райнхард не спеша открыл глаза, позволив себе с заметной грустью вздохнуть, и совсем не удивился, обнаружив себя в крепких руках Оберштайна. Желание интересоваться, что с ним только что произошло, отчего-то пропало. Довольно и того, в самом деле, что неведомый толком ужас отступил. Раз советник молчит, значит, и сообщать дополнительно нечего, а стало быть, и опасности больше нет.

– Пауль, у меня чердак покосился, видимо, – с грустью произнёс маркиз, дабы сказать хоть что-нибудь. – Мне ненадолго показалось, что тогда в зале всё было не так. Как будто не ты прыгнул на Ансбаха, а Кирхайс, и тот успел Зигфида грохнуть какой-то потайной стрелялкой. А потом Кирхайс умер у меня на руках и попросил завоевать Вселенную. И будто я там три дня потом сидел пнём и не шевелился.

По волосам и вправду потрепали совершенно по-отечески, и вдруг появилось ощущение, что теперь уже точно всё плохое уже позади...

– Ну, тогда бы всё точно обошлось без вашей встречи в камере, – ровным тёплым тоном отозвался собеседник. – И тебя бы не пришлось оттуда вытаскивать, потому что приказ об аресте отдать бы не успели.

– Ещё скажи, что сделал бы меня регентом, – грустно усмехнулся Райнхард. – Я не шучу, с тебя бы сталось, пока я ворон считал.

– Будешь скоро, – невозмутимо отозвался Оберштайн. – Как только выздоровеешь, так и подсуеетимся. Пока тебе надо отдохнуть после всего, и хорошо, потому что потом отдыхать будет некогда.

– Ну о чём ты, – с горечью произнёс уставшим голосом маркиз, силясь не закашляться – видимо, сердечный приступ был сильным. – Я ж беглый арестант нынче, а Кирхайс – главнокомандующий, но даже ему Лихтенладе вряд ли позволит сделать для меня что-то, даже если бы тот и хотел, – и он попытался приподняться так, чтоб хотя бы полулежать на боку.

Его начальник штаба осторожно помог, а затем уселся на постели так, чтоб его лицо было хорошо видно раненому. Затем заговорил прежним спокойным тоном, как и всегда делал, докладывая новости, только в этот раз от его слов веяло каким-то неосязаемым, но вполне реальным теплом.

– Лихтенладе отравлен несколько суток назад, прямо на балу в ту достопамятную ночь, когда тебя собирались прикончить. Приказ о назначении Кирхайса главнокомандующим не был оформлен и озвучен официально, а потому недействителен и утверждать его некому,

потому что мать императора от этого устранилась категорически. Приказ о твоём аресте тоже недействителен – там нет ни одной подписи, кроме руки покойника. Его величество передаёт тебе указание сначала выздороветь полностью, а после явиться пред его очи. Желательно, с чем-нибудь интересным – по его словам, скука во дворце страшная, и поиграть даже не с кем.

– Так, я, пожалуй, вздремну тогда, – почти простонал Райнхард, не зная, что ему делать с заметным головокружением от услышанного. – В таком случае придётся поторопиться выполнить это указание, верно?

– Тут ты прав. Потому что к вечеру тебя навестит фройляйн Мариендорф, и, полагаю, силы тебе ой как понадобятся. Может, поешь ещё? – на этот раз тон советника был совсем домашним.

– Да, – ослепительно улыбнулся молодой маркиз, чуть прикрыв глаза от неги, затопившей его всего от такого известия. – Однажды я подарю ей Вселенную – как только завуюю...

Интерлюдия 2

– Ну, вот и прибыли, теперь пора, – обычный невозмутимый тон Оберштайна нарушил тишину салона, а это означало, что следует открыть глаза и снова идти...

Опять идти по этому коридору из недругов, чья зависть к тебе из-за того, что по красной полосе идёшь ты, а не они, сгустилась до ярости, поистине разлитой в воздухе дворца, везде. И сгустилась так хорошо, что можно подвернуть ногу на ровном месте, к примеру – или задохнуться в любую секунду, а тогда, пошатнувшись, ничего уже не исправить... Что ж, разве привыкать? Но куда ж делся-то прежний азарт и отчего уже не хочется воевать вообще? Как сломалось что-то внутри уже, и не налаживается само ну никак.

Райнхард открыл глаза, осторожно вздохнул – хотя израненная в застенке спина уже зажала и почти не беспокоила, привычка осталась. Медленно встал с дивана, не заметив, что голова остаётся при этом поникшей – глаза ничего особо сейчас видеть и не хотели, но когда их кто спрашивал, что они хотят видеть? Когда вообще их владельца кто-то спрашивал, чего он хочет? Эта гонка к трону – всего лишь способ выжить, и на свои желания уже и не остаётся времени и сил... И нигде нет права оступиться – разорвут, на куски, сразу же, ещё живого... Ну же, хватит уже руки на груди скрещивать, надо ровно выпрямиться и отпустить их вдоль тела, ничего, справлюсь и в этот раз как-нибудь.

На плечи вдруг аккуратно и чётко опустились крепкие руки, резкий мощный рывок – и дышать стало значительно легче, хотя до того ощущения, что тяжело, вовсе не присутствовало. Даже лёгкий хруст суставов был приятен, и Райнхард молча вздохнул почти с наслаждением, чувствуя, что уже и свободен.

– Голову повыше и запомни – никто ничего не знает вообще о том, что с тобой случилось недавно, понял? – Оберштайн говорил уже знакомым отеческим тоном, который, однако, был абсолютно нераспознаваем для постороннего. – Для всех пожалование – абсолютно нормальная и обычная процедура, им уже нет до тебя никакого дела, всё. Ты просто в отпуск сходил на острова отдохнуть, и только, ясно?

Молодой главнокомандующий рейха попытался улыбнуться, но получился только слегка лукавый взгляд на советника:

– Вовремя, как всегда. Как думаешь, я смогу завоевать Вселенную? – и он уже вполне непринуждённым жестом подбоченился, потряхнув головой.

– Можно подумать, у тебя есть выбор, – с едва заметной, но различимой уху собеседника теплотой фыркнул Оберштайн. – Когда тебя хочет такая дама, ей не стоит отказывать.

Райнхард всего на пару секунд, но заметно зарделся, но произнёс уже обычным холодным тоном:

– Верно, а на меньшее я и сам не согласен уже, – и повернулся, чтобы шагнуть в выходу из парадного фургона.

Всё именно так и получилось – и даже в этот раз, против обычного, не было этого тяжёлого чувства, словно идёшь сквозь незримую тяжёлую жидкость. На талии как будто прилагался невидимый никому плотный пояс, что экранировал все флюиды недоброжелателей – нож в масло, да и только, усмехнулся про себя герцог Лоэнграмм. Таким спокойным – а не изображающим ледяное спокойствие – он себя ещё не помнил. И, когда на него снова обрушился поток внимания всей этой массы людей, что раньше норовил его раздавить своим прессом – всей его прежней тяжести почувствовать просто не пришлось. Зато появилось прежнее приятное ощущение, будто погладили по волосам – именно так, как делала Хильда все эти дни, когда приходилось выздоравливать после пыток в тюрьме. Да, она должна была быть где-то там, среди всех остальных, что пялились сейчас в спину – как же приятно чувствовать только её одну...

Сообщение о званом обеде, на котором предстоит быть с императором и его матерью, застало Райнхарда врасплох – но спокойствия, так и разлитого по всему его существу, не нарушило. И даже нарочито семейный характер этого мероприятия, прежде вызвавший бы сильное внутреннее напряжение, нисколько отчего-то не смутил Райнхарда. Он поймал себя на том, что чувствует себя свободно и даже комфортно, и даже аппетит, напрочь исчезнувший бы раньше, вдруг откуда-то появился совершенно естественным образом. Шаловливые взгляды ребёнка-венценосца совсем не раздражали, и поддерживать светскую беседу трудов не составляло вообще – молодой герцог даже не думал предварительно ни разу, что именно он будет отвечать на новую реплику за столом. Ничего общего с прошлым нынче – ни холодной тоски, как у замёршего пса, которого ненадолго запустили в тёплое помещение, чтоб угостить объедками, а затем снова выгнать на мороз, ни злобного азарта игрока ва-банк, который, скорее всего, живёт свои последние часы жизни – не наблюдалось сейчас и близко. Казалось, окружающие все настроены на редкость положительно к своему гостю – и в какой-то момент Райнхард обнаружил, что это ему уже давно не кажется. Он ловил на себе вполне доброжелательные взгляды и внимание, и отвечал тем же, в нужной мере. А думать над произошедшей метаморфозой просто не хотелось. Куда исчезло то, что раньше, оказывается, так мешало жить, и что это такое было, узнавать не было ни сил, ни желания.

Когда император буквально утащил за рукав своего гостя в свою детскую, Райнхард уже не заметил, что непроизвольно улыбается. Хотя в свои двадцать он ощущал себя жутко взрослым перед семилеткой, резвиться и дурачиться после традиционной демонстрации ребёнком своих игрушечных сокровищ им это нисколько не помешало. Но в какой-то момент передышки юный Гольденбаум вдруг стал столь серьёзным, что проступили очень заметно основные фамильные черты:

– Садись поудобней, чтоб тебе было меня чётко видно, – произнёс мальчишка тихим голосом, метнулся к проигрывателю и запустил что-то дежурное о каких-то покорителях дальних космических пространств, затем вернулся и устроился напротив с самым решительным видом. – Скажи, когда ты стал взрослым, ну, когда твоя сестра уехала от тебя во дворец, тебе ведь было восемь, да?

Райнхард вежливо кивнул, воззрившись на него со снисходительным интересом.

– Так вот, мне скоро будет столько, понимаешь? – мальчик говорил это с такой серьёзностью, что собеседник почувствовал, что говорится нечто столь важное, что ещё не говорилось никогда – уж родителям точно сказано не будет. – И я хочу быть собой, а не тем, что мне навязывают. Ты должен меня понять, ты не такой, как все, Лоэнграмм.

– Поясни эту мысль, – ровным тоном отозвался молодой мужчина. – Что именно тебя не устраивает?

– А всё, – широким жестом мальчик обвёл рукой помещение. – Мне не нравится образ жизни, который я вынужден вести, не нравится делать то, что я обязан делать, не нравится поведение тех, с кем я общаюсь. Это всё вообще не моё, я не для этого сделан. Ты можешь понять меня – и можешь мне помочь. Сделай это, пожалуйста, и тогда я тебе хорошо пригожусь, – в глаза посмотрели с искренней мольбой, и сердце где-то заметно ухнуло.

– И как ты представляешь себе мои действия в этой связи? – хлопнув ресницами, спросил офицер.

– О, этот вопрос нам с тобой пока неведом, – с глубокой грустью вздохнул ребёнок. – Но ты уже большой, и ты будешь регентом. Это очень хорошо, потому что ты воевал, пожил много где, и знаешь, что когда делать. А я ничего этого не знаю и ничего не видел в мире вообще. Я хочу пожить сам – без этого фальшивого распрекрасия, когда я ничего не знаю о настоящей природе происходящего. А ты однажды сможешь мне помочь в этом, понимаешь? – в искреннем порыве он схватил за руку собеседника, снова вскочив на ноги. – Ну, не важно как, ты обязательно что-нибудь придумаешь, чтоб я смог осуществить задумку, а тебе за это ничего не было. Просто запомни это, ладно?

Райнхард почувствовал, что очень сильно удивлён и даже чуток растерян. Из-за этого он не знал, что ответить. Мальчик решил, что собеседник колеблется, и добавил почти с отчаянием:

– Ну пожалуйста, Лоэнграмм, ну сделай это когда-нибудь. Я же не прошу завтра, я понимаю, что оно сложно, но я уже не могу здесь, пойми меня! – в глазах уже блеснули яркие искры. – Ты сможешь, я ведь знаю, у тебя всегда всё получается!

Отлично понимая, что слёзы могут хлынуть в таком состоянии неконтролируемо, Райнхард заговорил.

– Хорошо, я всё понял, не бойся. Это хорошо, что ты понимаешь, что дело сложное и потребует времени. Конечно, я ничего не могу обещать, но однажды эта возможность у тебя должна появиться, раз ты так хочешь этого. Я запомнил твои слова и обязательно учту их на будущее. Это пока всё, что я могу сказать.

– Этого вполне достаточно, – вспыхнув, как костёр из сухих веток, пророкотал собеседник и бросился ему на шею так быстро, что помешать просто не получилось бы. – Я знал, что ты меня выручишь, ты ведь настоящий наследник трона!

– Чего? – аккуратно успокаивая ребёнка, обронил изумлённый мужчина. – Это ты с чего взял вдруг?

– Ну, не делай вид, что не знаешь очевидного, – прорычали в ответ так, что было не понятно, смех это или рыдания. – Разве твоя сестра не говорила тебе, что кайзер Фридрих хотел видеть тебя вслед за собой?

Явление 4

– Ну что, вторую неделю будешь молчать? – тоном ворчливой старухи вещал тюремщик, занимаясь уборкой с тем энтузиазмом, каковой был бы уместен разве что у себя дома. – Понабрался от аристократов не того, чего бы следовало, спесивое ты чудовище. Который тут был до тебя, он хоть и помалкивал, да нос не задирает. А уж у него-то оснований не молчать было ой как много, знаешь ли, – прервав зачем-то своё занятие и насупившись, он подбоченился и пристально посмотрел в глаза недвижно сидящему на ложе узнику. – Три бригады палачей уморил, натурально – ничего-то от него не добились, все в отпуск ушли на лечение, да. А то нервы ни к чёрту такого красавца мучать, у кого голова с сиянием – там и сердце сдаст, запросто, глядеть, как он молчал. Понимаешь, каков парень был? – торжествующим жестом воздев указательный палец вверх, продолжал делиться назиданиями суровый бугай, едва ли не вдвое крупнее собеседника. – Да за сто, нет, полтыщи лет такой в эти стены не попадёт больше, всё!

А там и ремонт не раз будет. И не было у нас таких, вообще, это уж точно. Тихий был очень – никого плохим словом не назвал ни разу, и взгляд у него-то чистый был, не то, что ты мне сейчас изображаешь, типа спокойный такой.

– Да, должно быть, это действительно важно, – бесцветным голосом отозвался вдруг пленник, главным образом для того, чтоб увести свой взгляд в никуда. – Это очень любопытная информация. А что стало с этим арестантом?

– А перевели его отсюда наконец-то, – полным недоверия к услышанному тоном не торопясь произнёс местный крепыш. – Его ж умучали так, как в учебниках по технике ремесла не напишут никогда. Ну, и нельзя стены таким телом осквернять – ибо тогда все на допросах умирать будут, и счастья ни у кого из персонала не будет никогда. В лазарете умер, надо полагать, с тем, что с ним тут делали, на воле тоже долго не живут. Уж я-то точно знаю, смену сдавал когда, видел, что парень не жилец по-любому. Вот кабы я знал, кто его сюда упёк, – многозначительно проговорил он, опять подняв палец для пущей важности и произведя широкий жест всей рукой. – Да я бы его сам, часов на шесть максимальной интенсивности с некоторыми хитростями, чтоб уж точно потом если и выжил, то жалким калеккой. И бесплатно, сам бы за это внёс неслабо, да. Потому что нельзя таких парней пальцем трогать, вообще.

– Ну как кто упёк, – поспешно отозвался собеседник чуть взволнованным тоном. – Известно же, что приказ об аресте был отдан с самого наверху, госсекретариат рейха. И потом, арестовано ведь ещё несколько офицеров было, надо полагать, они все сюда попали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.